

НОВАЯ

ISSN 0130-3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

**СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА: ПО НОВЕЙШИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
"НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: УРОКИ ИСТОРИИ"**

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
"ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ"**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ. 1948–1952 годы**

ОБ ИЗБРАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ АКАДЕМИКА И.М. МАЙСКОГО

**КИТАЙСКИЙ УЧЕНЫЙ О ЗНАЧЕНИИ РАЗВИТИЯ КИТАЯ
ДЛЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА**

**ИЗ ОПЫТА ВЕДЕНИЯ КУРСА ПО МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИИ В ВУЗЕ**

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АКАДЕМИКА Ф.А. РОТШТЕЙНА**

**МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР: ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РУКОПИСИ
Г.В. ЧИЧЕРИНА. ПОСЛЫ ВРЕМЕН КАНЦЛЕРА
А.М. ГОРЧАКОВА**

**ТРУДНЫЙ ПУТЬ В ЛОКАРНО: ДИПЛОМАТИЯ
Э. БЕНЕША В 1925 году**

**ГРАФ Д'АНТРЭГ: СЛУГА ПЯТИ КОРОЛЕЙ
И ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ**

2

2007

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Попов В.Н. (Волгоград). Сталинградская битва: по новейшим исследованиям.....	3
Мурашко Г.П. Государственная власть и католическая церковь в странах Центральной Европы. 1948–1952 годы	33
Станков Н.Н. (Волгоград). Трудный путь в Локарно: дипломатия Э. Бенеша в 1925 году	50
Мазов С.В. Советский Союз и Западная Африка. 1956–1964 годы	77

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Международная научная конференция "Нюрнбергский процесс: уроки истории".....	90
Всероссийская научная конференция "Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики".....	96

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ржешевский О.А. Избранная переписка академика И.М. Майского	103
Мальков В.Л. Жизнь и смерть Великого альянса. (По поводу новой книги В.О. Печатнова)	108
Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю. (Томск). История, память, мифы	116

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Ван Жунхуа (КНР). Развитие Китая и мировое сообщество. Предисловие академика В.С. Мясникова	126
---	-----

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ В ВУЗАХ

Смоленский Н.И. Из опыта ведения курса по методологии истории	132
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Из рукописи Г.В. Чичерина. Послы времен канцлерства А.М. Горчакова. Предисловие В.Л. Телицына.....	145
--	-----



ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Соколов В.В. Дипломатическая деятельность академика Ф.А. Ротштейна. 20-е годы XX века.....	156
Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик.....	173

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Митрофанов А.А. Граф д'Антрэг: слуга пяти королей и трех императоров.....	188
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Хаванов Е.И. К.К. Ш и р и н я. Коминтерн в 1933 году. М., 2006.....	201
Сухоруков А.В. Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX века. М., 2006.....	203
Бовыкин Д.Ю. С. А б е р да м. Демографы и демократы. Работа комитета национального конвента по территориальному делению. Париж, 2004.....	205
Плешков В.Н. П.П. С в и н ь и н. Американские дневники и письма (1811–1813). М., 2005.....	207
Чернышева О.В. О к е Д а у н. Изба на седьмом этаже. Шведский менталитет в мультикультурном мире. Стокгольм, 2005.....	210
Зудов Ю.В. В. М о р т е н с е н. Христианство в процессе изменения: плюрализм как вызов богословию и церкви в Дании. Хойберг, 2005.....	213
Кривушин И.В. В таинственной стране Мадагаскар: год 2005. М., 2006.....	216

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Немечек Я. Об издании документов по истории внешней политики Чехословакии 1918–1948 годов.....	218
К.К. Ширине – 85 лет.....	219
И.Я. Биску – 85 лет.....	221
Юбилей А.Ф. Носковой	221

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),
Н.П. Калмыков, В.Н. Малов, И.И. Орлик, А.В. Пыжиков,
А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский, В.С. Рыкин,
Н.И. Смоленский, В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский,
Е.И. Тряпицын (зам. главного редактора), **А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков**

Адрес редакции: 119049, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26, тел. 238-08-74

© 2007 г.

Б.Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ, И.Ю. НИКОЛАЕВА

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, МИФЫ

История и память. Еще Геродот связал воедино эти два понятия, обозначив замысел своего труда, состоявший в том, чтобы уберечь от забвения великие деяния эллинов и варваров. Но только в наше время проблема соотношения истории и памяти стала предметом специальных исследований. Во многом благодаря тому, что расширение «территории историка» повлекло за собой углубление и проблематизацию ранее казавшихся очевидными отношений между ними, впрочем, как и природы этих явлений как таковых. Последние десятилетия отмечены нарастанием в западной историографии исследований, связанных с изучением данной проблемы, в то время как в отечественной науке вплоть до недавнего времени она оставалась практически вне исследовательского и дискуссионного поля специалистов-историков. А между тем актуализировавшийся интерес к названной теме обусловлен не только чисто научными обстоятельствами. Он связан с более широкой проблемой судеб исторической науки и ее роли в жизни современного мира.

Именно такой ракурс рассмотрения проблемы задает коллективный труд "История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени"¹, замысел которого родился в Центре интеллектуальной истории ИВИ РАН. Это издание – продолжение работы над двумя проектами: "Социальная память и историческая культура средневековой Европы"² и "Знания о прошлом, социальная память и стереотипы массового сознания", реализованных в развитие программы РАН "Общественный потенциал истории". Коллектив, объединенный редактором обоих томов Л.П. Репиной, поставил перед собой сложную задачу – исследовать взаимоотношения истории и памяти на развернутом в хронологическом и цивилизационном формате историческом материале, с учетом того, что в современном мире с его глобализацией и информационным бумом чрезвычайно усложнились задачи профессиональных историков. Все острее, подчеркивается во Введении к книге, общество и люди, занимающиеся самим историческим ремеслом, задаются вопросом: «Что дает история для наболевших вопросов существования людей в становящемся все теснее и все взрывоопаснее мире? Как она сегодня "учит жизни"?»³. И может ли учить вообще?

Эти вопросы, отнюдь не камерного характера, в последнее время все чаще поднимаются и находят далеко не однозначные ответы даже в профессиональной среде. Утверждается, например, что единственно возможный для истории способ самосохранения –

Могильницкий Борис Георгиевич – доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета.

Николаева Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент Томского государственного университета.

¹ История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.

² Результаты исследований, проведенных в 2001–2003 гг., были изложены в большой серии статей, в частности в обобщающей статье Л.П. Репиной "Историческая память и современная историография" (Новая и новейшая история, 2004, № 5, с. 9–51), а также в монографии "Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени" под ее редакцией (М., 2003).

³ История и память, с. 5.

отказ от претензий на научность, принятие законов рынка интеллектуально-развлекательной продукции и превращение в отрасль шоу-бизнеса со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴. «Рынок, – поясняет другой автор, – оставляет истории прежде всего функцию развлечения публики... История давно уже не учит жизни, а только помогает сделать ее приятной... В нынешнем обществе "мы" уже не определяемся общностью нашего прошлого. Хорошо это или нет, но "мы" определяемся общностью опыта потребления». Более того, в эпоху глобализации история не только не нужна – она мешает. «Национальная история (и даже ее отдельные сколки) опасны, поскольку они строятся на застарелых претензиях к "другим" и восхвалении собственных исключительных достоинств»⁵. Из этого следует, что в обществе потребительских товаров, которые создаются глобальными же производителями и рекламируются через глобальные информационные сети, есть прок только от историков, умеющих развлекать потребителя, и, следовательно, потребность в "жрецах Клио" будет все более сокращаться. Какое-то количество носителей антикварного исторического знания, наверное, сохранится, но их труды едва ли вызовут общественный интерес. "Это будет история для касты знатоков, своего рода закрытого международного клуба"⁶. Иными словами, историография превратится в своеобразную "игру в бисер".

Безусловно, такая логика основывается на существующих реалиях нашей жизни, что особенно рельефно проявляется в исторической публицистике. И не только в ней. Шумный успех, скажем, многотиражных трудов А.Т. Фоменко, базирующихся на мифологизированной интерпретации древней и средневековой истории, – лишь одно из ярких тому свидетельств. Но достаточное ли это основание для вынесения приговора Клио как науке, в которой нуждается общество и которая органична самой природе человеческой цивилизации? Насколько обусловлена эта логика научного нигилизма реалиями жизни и науки?

Подобная логика, связанная в настоящее время в наибольшей степени с постмодернизмом, явление не новое. По меткому выражению У. Эко, постмодернизм представляет не просто "хронологическое явление, а некое духовное состояние *Kunstwollen* – подход к работе". Не предвзятый и не сторонний наблюдатель (он сам отдал дань увлечению постмодернистской методологией), Эко говорит о том, что "каждая эпоха в свой час подходит к порогу кризиса" и в этом смысле представляет собой, пусть всякий раз по-новому, типологически повторяемое явление⁷.

Однако всякий раз в лоне самого историзма рождалась реакция против подобного рода логики "убийства истории"⁸, и всякий раз в рамках профессии находились люди, которые, перефразируя Н.Б. Селунскую, не давали погаснуть волшебному фонарю дисциплины, так как она содержит в себе багаж постоянно развивающегося знания, служащий противовесом против разрушительных тенденций в научном ремесле⁹. Что же касается прогноза о превращении истории в отрасль шоу-бизнеса и сохранения профессионального знания в форме эзотерического сообщества любителей антиквариата, то он, на наш взгляд, является, помимо всего прочего, эпатажной реакцией на очень важную проблему трансляции исторического знания. Нынешнее время, как никогда, обострило проблему популяризации истории. Полки магазинов, экраны кинотеатров и телевизоров заполонила продукция спекулятивного, непрофессионального свойства, кото-

⁴ См. *Володихин Д.М.* "Призрак третьей книги". Методологический монизм и "глобальная архаизация". – Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 9. М., 2002, с. 59–63.

⁵ *Бойцов М.А.* Выживет ли Клио при глобализации? – *Общественные науки и современность*, 2006, № 1, с. 93, 100.

⁶ Там же, с. 101.

⁷ Эко У. Постмодернизм, ирония, занимательность. – *Эко У. Имя розы*. М., 1989, с. 460.

⁸ *Windschuttle K.* *The Killing of History*. New York, 1977.

⁹ *Селунская Н.Б.* Методологическое знание и профессионализм историка. – *Новая и новейшая история*, 2004, № 4, с. 25–41.

рая пользуется большим спросом¹⁰. Но это не основание, чтобы петь погребальный гимн научной истории. Разделение на чисто профессиональный жанр и жанр, связанный с популяризацией истории, существовало и будет существовать. Но судьба как первого, так и второго определяется и будет определяться не отказом от научности и поисками историком идентичности, роднящей его с обществом потребления, с той аудиторией, которая оплачивает развлекающую ее продукцию, а укреплением основ профессионального ремесла. Именно высокий стандарт научного профессионализма таких текстов как, скажем, "Возвращение М. Герра" Н.Э. Дэвис или "Имя розы" У. Эко, обеспечил им широкую известность не только в академической, но и в массовой аудитории. "Имя розы" по итогам национальных опросов в Италии в течение девяти лет держалось на первом месте в "горячей двадцатке недели". И не только в Италии. Роман захватил на довольно большой срок и североамериканский книжный рынок, и турецкий, и японский, стал широко известен читательской аудитории восточноевропейских стран, в том числе и российской. Как и "Возвращение Мартена Герра", "Имя розы" было экранизировано, и обе ленты имели баснословный прокатный успех. Успех своего произведения У. Эко объяснял тем, что, свято веря в аристотелевскую поэтику, он строил роман так, чтобы его сюжет был увлекательным. Но мало ли существует книг и лент с суперувлекательным сюжетом? Большой успех названных текстов, по нашему мнению, как раз и объясняется тем, что увлекательная форма наполнена серьезным интеллектуально-духовным смыслом. Так что ссылки на леность духа публики, которая якобы, как римский плебс, жаждет лишь хлеба и зрелищ, являются слабым доводом в пользу всесилья развлекательно-потребительского модуса сознания общества и скорее говорят об уязвимости собственной профессиональной идентичности. Судьба этих и подобных им текстов, созданных с величайшим научным профессионализмом и точностью и исполненных гуманистического смысла, – свидетельство того, насколько востребована и жизненно важна для человеческой цивилизации подлинная история, основывающаяся на научном знании, насколько серьезна ее социальная миссия. Другое дело, что овладение мастерством, которое позволяет историку не только достичь понимания тех или иных глубинных сторон исторической жизни, но и сделать его доступным непрофессиональному большинству – задача очень непростая.

Социальная функция и прагматика исторической науки, ее практико-мировоззренческая и культуртрегерская эффективность, очевидные для авторов коллективного труда "История и память"¹¹, как раз и ставятся ими в зависимость от возможностей овладения историописанием профессионально адекватными научными методами. В этом смысле позиция авторского коллектива "Истории и памяти" резко контрастирует с постмодернистской логикой, равно как и существенно отличаются от постмодернистской эпистемологии многие другие теоретические посылки, сформированные не без влияния последствий "лингвистического поворота" и служащие методологическим фундаментом их книги. Прежде всего это касается базисной установки относительно возможности объективного познания прошлого, особенно в такой сфере субъективного, как историческая память. Отмечая продуктивность постмодернистской программы в ее стремлении реконструировать альтернативные представления о прошлом, акцентированное утверждение изменчивости исторической памяти¹², авторы книги логикой всего постро-

¹⁰ Заметим, что в самой науке существовал и существует большой массив конъюнктурной продукции, происхождение которой во многом связано с тем же рыночным стремлением "иметь", что порождает к жизни и низкопробную пищу для массовой аудитории. Такое стремление в скрытом виде существовало и в иные времена. Вспомним, как писались диссертации и книги, к примеру, на тему партийного строительства, приносившие авторам степени, гонорары и т.д. Эта, условно говоря, рыночная тенденция, коренится не столько во времени, сколько в самой человеческой природе. Но, как писал Э. Фромм, интенции "иметь" всегда существовал противовес "быть", быть человеком, стремящимся познать себя и мир, стремящимся творить. Об этом см. *Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.*

¹¹ См., например: *История и память*, с. 5.

¹² Там же, с. 9.

ения теоретических подступов к ней и всем ее содержанием утверждают возможность адекватного познания этих представлений в соотношении с самим историческим контекстом.

При этом в фокусе исследовательского интереса оказывается субъективная природа исторической памяти и историописания. Особый интерес как для самого авторского коллектива, так и для читателя, представляет связанная с ней тема исторического мифологизирования. Она актуальна и для современного культурно-исторического сознания, и в этом – одно из объяснений обращения авторов к проблеме истории/памяти.

Затруднительно и бесперспективно пытаться дать комментарий всем тем вопросам о метаморфозах социальной и исторической памяти, которые поднимаются в теоретико-методологических рассуждениях, предвещающих книгу. Погружая читателя в эпицентр современных дискуссий об истории и памяти, Л.П. Репина выделяет их крайние точки. Одну из них образует постмодернистская парадигма, чей пафос, по словам автора, заключается в протесте против навязывания индивиду, обладающему собственным историческим сознанием, той истории, которая создается историками. Другую выражает известный британский историк Дж. Тош, полагающий, что, в то время как социальная память продолжает создавать интерпретации, удовлетворяющие политические и социальные потребности современности, историку необходима убежденность в важности достоверного представления о прошлом.

Присмотримся пристальнее к концептуальным соображениям Л.П. Репиной. Они очень важны, так как при беглом чтении может сложиться впечатление об их идентичности постмодернистским. Ценность теоретико-методологических частей книги, на наш взгляд, во многом заключается в том, что, опираясь на наработанный в современной гуманитарии багаж знаний о специфике функционирования разных видов памяти (индивидуальной, групповой, или коллективной, исторической), в них выстраивается сложная картина их взаимодействия, показывается несводимость одного вида памяти к другому. Вместе с тем выделяются присущие им некие общие закономерности функционирования. Всякая реальность, отмечается во Введении, преломляется сознанием людей, "глубоко и прочно укорененными стереотипами, и ее искаженный, односторонний или расплывчатый образ запечатлевается в памяти как истинный рассказ о происшествии", не говоря уже о сознательных искажениях увиденного¹³. Более того, в силу своей социальной, как индивидуальная, так и коллективная память, не представляет собой некую константу, безразличную к социально-историческому времени ее бытования. В зависимости от состояния общества она может "сжеживаться" или актуализироваться. А поскольку, напоминает Л.П. Репина, цитируя М. Рота и К. Леви-Стросса, и память, и история это всегда память и история "с какой-то целью", "для чего-то", то объяснимы механизм и неискоренимая склонность социальной памяти к мифологизированию.

Подчеркивая, что историческая память не может не испытывать воздействия социальных процессов динамики общества, автор Введения отмечает, что профессиональная историография выполняет свою социальную функцию, "создавая новые интерпретации – потенциальные элементы будущей национальной историографии"¹⁴. В этом смысле историография так же открыта для мифотворчества, как и общественное сознание, и формируемая не без ее участия историческая память с неизбежностью включает в себя мифологизированные версии прошлого. «Несмотря на императивы объективности и беспристрастности, восходящие к самому Фукидиду и абсолютизированные "научной историей", историческая наука не обладает стойким иммунитетом от склонности к мифотворчеству»¹⁵, – заключает Л.П. Репина. Разумеется, здесь таится немало опасностей. Дисциплина может превратиться в разменную монету для всевозможных политических манипуляций. При этом чрезвычайно актуально звучит авторское напоминание,

¹³ Там же, с. 11.

¹⁴ Там же, с. 38.

¹⁵ Там же, с. 28–39.

что подобного рода злоупотребления имеют место не только в обществах с тоталитарными и деспотическими режимами, но и там, где допускается широкая свобода мнений.

Вместе с тем напрашивается вопрос: что же историческая память и историографии неустранимо мифологичны? Казалось бы, из всего хода предшествующих рассуждений следует утвердительный ответ, ставящий знак равенства между социальной памятью, в процессе трансмиссии постоянно "изобретающей" прошлое, которое бы подходило для настоящего¹⁶, и исторической памятью. "Пытаясь развенчать социальную память, отделив факты от мифа, мы просто вместо одной получаем другую историю, стремящуюся стать новым мифом"¹⁷, – читаем мы во Введении.

Можно сказать даже больше. Чем дальше уходит человечество от своего варварского прошлого, тем изощреннее становится само мифотворчество, которое, казалось бы, должно было убывать по мере развития современных индустриально-информационных технологий и приращения рационально-интеллектуальной оснастки современного мира. Заметим, что еще Й. Хейзинга, завершая свою характеристику кризиса европейской культуры, писал о ее иррационализации и варваризации, когда познание начинает завлакиваться магией и фантастикой. "Вот когда миф теснит логос!", – восклицал он¹⁸. Последующие катаклизмы принесли с собой новое подтверждение этому "диагнозу духовного недуга нашей эпохи" (название подзаголовка книги Хейзинги). Миф продолжает теснить логос и делает это небезуспешно. Мифы разного обличья, тоталитарные или демократические, национальные или религиозные, заполнили СМИ, в особенности электронные, формируя массовое историческое сознание. Они присутствуют и в концептуальных построениях ряда профессиональных историков.

Что означает это современное агрессивное наступление мифа на логос и что за ним скрывается? Если говорить о роли в этом наступлении исторической науки, то опять-таки нельзя ее отрицать. И науку тоже делают люди, со своими социальными пристрастиями, интересами, предпочтениями, обремененные культурными и психологическими стереотипами времени. Более того, часть профессионалов вполне осознанно обслуживает различные политические программы и стоящие за ними политические силы. А поскольку современные возможности сознательного конструирования мифа и режиссирования процессом управления исторической памятью неизмеримо выросли¹⁹, то изменился и масштаб, и характер мифотворчества.

Сказанное отнюдь не означает, что сама историческая наука не обладает необходимыми ресурсами для познания реалий исторической жизни и борьбы с мифом. Вся логика ее развития свидетельствует о том, что наряду с тенденцией создания новых мифов, приходящих на смену политически неугодным или морально устаревшим, существует не менее сильная тенденция, связанная с движением к адекватному познанию мира. При всем несовершенстве разных исторических парадигм, направлений и исследовательских приемов в дисциплине существуют свои правила и методы, соответствующие процедурам проверки полученного знания, играющие важнейшую роль в деконструкции мифов. Отчасти они помогают обществу проверять на прочность те или иные сколки исторической памяти. Именно с их помощью общество может оценивать свою память критично и не пассивно, может "вступать с ней в диалог, проверяя ее аргументы и притязания на соответствие фактам"²⁰. Безусловно, путь развития науки сложен и тернист. В своих разных национальных ипостасях она знала и периоды триумфа и оказывалась в тупике. И тем не менее общий вектор ее динамики очевиден. Вместе с развитием общества развивались и совершенствовались профессиональные навыки и методология историче-

¹⁶ Там же, с. 39–40.

¹⁷ Там же, с. 41.

¹⁸ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992, с. 353.

¹⁹ Достаточно вспомнить о том, как профессиональными политтехнологами была отредактирована версия о коммунистической угрозе во время президентских выборов 1996 г.

²⁰ История и память, с. 41–42.

ской науки, что определяло движение общества от незнания к знанию. Еще в XIX в. стремление отразить прошлое "как оно собственно было" не опиралось ни на разработанные методы источниковедческого анализа, позволяющие установить подлинность исторического источника, ни на технику психоисторического исследования, дающего возможность расшифровать скрытые мотивы изучаемого агента истории, ни на многие другие достижения ремесла, известные сегодня историку. Нынешняя оснастка науки существенно расширила эти возможности²¹.

Свидетельством этому и является рассматриваемая книга. Ее авторы избрали наиболее сложный и в то же время перспективный путь изучения исторической памяти с той ее "невидимой" внутренней стороны, которая отчетливо выявляет связь памяти с типом культуры породившего ее общества и времени. Как подчеркивает Л.П. Репина, этот путь был обозначен известным отечественным методологом и историком М.А. Баргом. Избранная методологическая ориентация как нельзя более органична и для другой целевой установки книги – кросскультурного исследования феномена, ориентированного на выявление его специфических особенностей в таких разных мирах, как западноевропейский и русский. Такая фокусировка не только нова для историографии, она в высшей степени актуальна и перспективна. В одной из последних статей А.Я. Гуревич, рассуждая о возможности отечественной науки в изучении ментальности и культуры Европы, говорил о том, что российские историки, находясь вне ее западного анклава и не имея широкого доступа в итальянские, французские и другие западные архивы, могут использовать преимущества этой позиции внеаходимости, обратив свой взор на Европу с другой точки зрения и увидев в ней, наряду с Францией и Италией, другой регион, куда входят и славянские земли, имевшие свои особенности²². Авторы книги "История и память" в немалой степени продемонстрировали эти преимущества, к тому же избрав специфически новый ракурс такого рода сравнительного изучения.

Внимательное чтение книги лишний раз убеждает, что академизм не препятствие для обретения историческим текстом социально эффективного звучания. Более того, ее пример свидетельствует о том, что именно подлинная научность исторического исследования может быть залогом его социального резонанса в обществе. В ряде глав развивается поставленная во Введении, наряду с другими, проблема мифотворчества. В этих главах содержится богатейший материал, осмысление которого в сравнительно-исторической ретроспективе длительного времени может пролить свет на многие из злободневных вопросов, которые волнуют в этом смысле наше современное сознание. Именно благодаря исследованию культурно-исторической природы памяти и историописания авторам удается наметить верные пути реконструкции типологических особенностей исторического мифологизирования на разной исторической почве, связанных с инаковостью культурного сознания Запада и России. Для начала сошлемся на девятую главу книги "Представление о достоверном в средневековой исторической традиции", написанную Е.В. Калмыковой. Текст главы, если рассматривать его в массиве традиционных трактовок средневекового историописания, отличает стремление выявить полноту культурно-исторического образа анализируемого предмета исследования, не редуцируя этот образ до простой экспликации религиозного сознания, выявляя собственно мирские, профессионально квалификационные его черты и не модернизируя в духе упрощенных трактовок сходства их природы с современными. Автор предпринимает редкую²³ и перспективную

²¹ Об этом см. Николаева И.Ю. О возможности методологического синтеза и верификации в истории. Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск, 2005.

²² См. Гуревич А.Я. Позиция внеаходимости. – Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника. М., 2005, с. 128.

²³ Редкую уже потому, что даже в сознании большого количества профессиональных историков утвердилось мнение, будто средневековая наука функционировала исключительно как "служанка богословия", не знала подобия "цехового суда" (как пишет Е.В. Калмыкова, "контролирующего обучение будущих хронистов и проверяющего освоение ими общепризнанного набора методов и приемов") и была лишена критического подхода к исторической информации.

попытку реконструкции методов, с помощью которых средневековые историки пытались отделить достоверное от заблуждений. На разнообразном источниковом материале Е.В. Калмыкова выявляет некие модальные критерии, лежавшие в основе такого рода деления.

Принято считать, что главный критерий истинности той или иной информации или знания соотносился с авторитетом. Но, помимо этого, а также критерия, связанного с прославлением Бога, существовал критерий личного опыта. Увиденное собственными глазами играло главенствующую роль в отборе и передаче информации²⁴, пишет историк. Не затрагивая здесь большого и сложного вопроса о природе и механизме действия неочевидного для человека нынешнего времени второго критерия, обратимся к авторской реконструкции критерия, связанного с авторитетом.

Зачастую апелляция средневековых историков к авторитету если и рассматривается в историографии в контексте стилистики сознания цивилизации, то дело ограничивается констатацией связи такого рода апелляции с общей авторитарно-иерархической природой сознания того времени, склонного искать опору своим размышлениям в авторитетном мнении, прежде всего в Писании. Е.В. Калмыкова ставит вопрос о расширении и уточнении границ данного контекста самим содержанием реконструированных особенностей апелляции именно западноевропейского средневекового сознания к авторитету. То, что средневековые историографы, допустим, Беда Достопочтенный или же Фрекульф, уже указывали в своих трудах источники, отечественный историк, в отличие от Б. Гене, объясняет не тем, что они "с какого-то момента... стали осознавать необходимость приведения ссылок", но тем, что "следовали традициям античного историописания, для которого наличие сноска было вполне заурядным явлением"²⁵.

Если мы попытаемся прочертить некий вектор развития данного критерия в русле развития цивилизации, то обнаружим, что сформировавшаяся еще на заре становления средневековой науки Запада культура ссылок на источник информации, причем обязательно религиозного характера, вылилась в такие прорывы традиционного понимания достоверного, которые преобразовали сами возможности получения истинного знания. Достаточно вспомнить хрестоматийный для специалиста по эпохе трактат Лоренцо Валлы "Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина". Обращение к анализу создания источника позволило Валле выдвинуть абсолютно рационалистическую аргументацию того, почему этот текст не мог иметь святого происхождения. Как и многие другие тексты возрожденческой эпохи, трактат выявляет раннюю способность к демифологизации самого научного знания западноевропейского мира, связанную с динамичным приращением рационалистической оснастки сознания общества.

Иную картину дает представленный в томе русский материал. Не случайно в Заключение книги акцентируется то обстоятельство, что "реконструкция подходов русских историков к предметам их описания показала глубинное стадийное сходство исторической культуры Московского периода с европейским классическим средневековьем"²⁶. И хотя этот вывод нуждается в спецификации данного сходства, очевидно одно: ни XVI, ни XVII, ни уж тем более XV в. не знали в русском варианте историописания прорывов, подобных тому, которое обнаружит западноевропейская мысль в возрожденческое время.

Обозначенный вектор и особенности развития средневекового сознания на разной культурно-исторической почве могут многое прояснить в динамике современного исто-

²⁴ История и память, с. 368. Тезис этот далеко не бесспорный (достаточно вспомнить известные труды Орозия или Тацита, чтобы задуматься о различной логике писавших на заре Средневековья авторов, и, скажем, хронистов XIII–XIV вв.), но он важен для существенного уточнения природы средневекового историописания.

²⁵ История и память, с. 351.

²⁶ Там же, с. 734.

рического сознания и мифотворчества. Сравнительно-историческое исследование механизмов того, как нарабатывался рационально-интеллектуальный инструментарий отделения достоверного от ложного, включает в себе возможность прояснения вопросов, волнующих современное культурное сознание. Э. Кустурица, комментируя свою кинематографическую попытку расшифровать природу социалистической мифологемы в таком знаковом фильме, как "Underground", отмечал, что, снимая ленту, он обнаружил разное ценностное содержание понятия лжи в западном и восточноевропейском мире.

Приводимая в девятой главе реконструкция критериев достоверного, равно как и материал других глав, скажем, седьмой главы "Образ истории и историческое сознание в латинской историографии X–XIII вв" (автор – Ю.Е. Арнаутова)²⁷, где показано нарастание в латинской историографии в классический период ее развития интереса к собственно исторической аргументации актуального мирского происхождения²⁸ – чрезвычайно важные отправные точки для выявления отмеченной выше инаковости типов сознания. Нарботанный, в том числе и отечественной наукой, методолого-историографический багаж несет в себе плодотворные перспективы расшифровки не только своеобразия отмеченных типов, но и различия путей и механизмов их трансформации. Одним из таких методологически важных ориентиров для подобного рода расшифровки являются теоретико-историографические знания о типологическом отличии средневековых обществ, развивавшихся в широкой амплитуде разных вариантов взаимодействия варварского и античного укладов²⁹. В этом контексте высвечивается одна из важнейших составляющих отличия российской цивилизации от цивилизации средневекового Запада, оформившейся в русле влияния античного наследия в самом широком смысле слова³⁰. Это во многом определило характер и качество культурно-интеллектуального освоения мира, в том числе и динамику историописания. Подчеркнем, что своеобразии социальной картины и динамики этих разных миров, связь объективных или вещных параметров их бытия с особенностями их мировидения играет в этом процессе не меньшую роль, чем факт заимствования античной культурной традиции, влияние которой на западную культуру порой воспринимается историками упрощенно.

Культурное различие стилистики сознания двух разных цивилизаций особенно зримо проявляется в переломные эпохи, когда «идет процесс трансформации коллективной памяти, который захватывает не только "живую" социальную память и память о пережитом современников и участников событий, но и глубинные пласты культурной памяти общества, сохраняемой традицией и обращенной к отдаленному прошлому»³¹. И в этом смысле внимание читателя не может не привлечь третья глава книги "Мифология исторической памяти на рубеже Античности и Средневековья". Ее автор П.П. Шкаренков выявляет специфику оформления западноевропейского исторического сознания, а вместе с ним и мифа на примере анализа текстов Флавия Кассиодора, одной из наиболее знаковых фигур переходной эпохи.

Обозначенная в заголовке проблематика вставляется в широкие социоисторические рамки, соединяющие "век нынешний и век минувший". "Рубеж веков – эпоха, когда поступь истории кажется неотвратимой, – пишет П.П. Шкаренков. – В исторических переломах просматривается какая-то общность, делающая их похожими в общественных,

²⁷ См. там же, с. 277–307.

²⁸ Там же, с. 293.

²⁹ Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза. – Средние века, вып. 3, 1968, с. 9–17; Удальцова З.В., Гутнова Е.В. К вопросу о типологии феодализма в Западной Европе и Византии. – Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). М., 1984.

³⁰ Иные составляющие – как климато-географического свойства, так и культурно-исторического, – будь то влияние Византии или же Орды, лишь закрепляли отличие русского пути развития Средневековья, гораздо прочнее связанного с традиционностью, чем западноевропейское.

³¹ История и память, с. 38.

политических и личных аспектах, в ситуациях и психологических коллизиях... В их яркой оригинальности при более глубоком постижении внезапно проступает сходство, дающее основание для параллелей и аналогий, преодолевающих время и пространство"³².

В центре внимания автора оказывается такой источник, как "Variae", – сборник актов и официальных посланий, составленных в первой половине VI в. Флавием Кассиодором от имени остготского короля Теодориха Великого и высших должностных лиц королевства. "Variae" дают нам уникальную возможность увидеть не только то, чем была остготская монархия сама по себе, но чем она хотела быть, и, наконец, то, какими средствами конструировался или даже режиссировался ее образ одним из образованных людей эпохи", – пишет историк³³. Тот образ власти, который пытался утвердить "главный идеолог" остготского короля в сознании короля и окружавшей его элиты, нес на себе зримую печать античных образов и представлений о Риме и об идеальном правителе. Эти представления и образы рассматриваются автором на фоне широко распространенных умонастроений римского общества, реконструируемых в том числе и по текстам таких разных его представителей, как Симмах, Марцеллин, Авсоний, Пруденций. Основанные на системе традиционных ценностей, эти умонастроения, как показывает автор, регулировались главным идеалом – верой в вечность Рима и непоколебимость устоев Империи. Разумеется, этот идеал, заданный исторической памятью эпохи, не соответствовал действительности в том смысле, что империя, как таковая, перестала существовать во времена Кассиодора. Но он соответствовал в другом виде, более существенно необходимым для нарождавшегося нового мира. Оформлявшаяся средневековая государственность нуждалась в регулятивном начале, каковым выступал образ идеального правителя, конституировавшийся на основе начал монархического управления. При всех его модификациях в эту эпоху, в державе Теодориха он транслировался как симбиоз двух форм – *princeps* и *rex*³⁴. Очевидно, что *rex* имел все черты доминантного признака, если рассматривать эволюцию этих форм в самой широкой системе координат средневековой эпохи. Однако, исследуя тексты Кассиодора, П.П. Шкаренков приходит к заключению, что Теодорих чаще называется в них *princeps*, чем *rex*. В этом, поясняет он, нашел отражение политический идеал Кассиодора, в котором ощущается мощный субстрат представлений, восходящих к идее *res publica*³⁵. Созданная в "Variae" система образов, пишет автор, являлась сложным сплавом реального (повседневной жизни) и идеального (нормы). Отмечая, что общественно-исторический миф всегда непосредственно ориентирован на коллективную и индивидуальную историческую память, автор подчеркивает, что миф "представляет собой универсальную реальность истории, сильнейший регулятор общественного поведения"³⁶. Раскрывая эту регулятивную функцию, он описывает механизм возникновения мифов, суть которого сводится к взаимодействию потребности и поиска ориентира для идентификации. "Мифы возникают вследствие того, что никакое общество не может существовать, если основная масса его граждан не готова подчиняться его законам, следовать его нормам, традициям и обычаям, если не испытывает удовлетворения от принадлежности к нему, как к своему миру. Эта готовность имеет своим основанием еще более глубокую интенцию – потребность в солидарности общественного коллектива"³⁷. На ранней стадии существования королевства идеальный образ правителя, в котором нуждалась держава Теодориха, не мог не включать в себя обе составные части формулы – *princeps* и *rex*. Для утверждения монархического принципа в качестве главенствующего, отмечает П.П. Шкаренков, было "необхо-

³² Там же, с. 139.

³³ Там же, с. 164.

³⁴ Несколько упрощая суть дела, можно расшифровать содержание этих форм как трансляцию, с одной стороны, античного принципа "первый среди равных" (*princeps*), с другой – принципа безоговорочного единовластия (*rex*).

³⁵ Там же, с. 170–171.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

димо, чтобы умерли идеи гражданства, политической свободы, образ правления, достойный римлян, вся система ценностей, воплощенная в *romanitas*³⁸. И вместе с тем в перспективе "долгого времени" нельзя не заметить, что идеал *res publica* не сошел на нет в западноевропейском мире, а образ *principes* в разных его ипостасях в мутированном виде жил в сознании элиты средневекового Запада. Хрестоматийная формула короля как первого среди равных, образы круглого стола и связанная с ними мифологема короля Артура, в которых высвечивается культурно-историческая инаковость западноевропейского культурного сознания, в то же время соотносятся с самими специфическими реалиями социально-политической динамики цивилизации.

Представленная П.П. Шкаренковым реконструкция является наиболее емкой иллюстрацией того, что мифологические структуры сознания могут, как подчеркивается во Введении, в закодированном виде регистрировать исторические реалии перемен в жизни общества³⁹. Вместе с тем она дает возможность через анализ мифа выйти на вопросы, связующие прошлое и нынешнее время, так же как и содержание той части книги, которое разворачивается в системе координат "Древняя Русь – Россия XVII века". Анализируемые в ней на разнообразном материале мифы, будь то "Книга степенная царского родословия" или посольские делопроизводственные книги, высвечивают культурно-историческую специфику исторической картины мира, функционирования памяти и мифотворчества на русской почве.

Лишенная произвольного конструирования книга "История и память" методологически ориентирована на выявление объективных реалий разных типов динамики европейской и русской истории и культуры. Следуя четко обозначенным ориентирам, авторский коллектив сумел создать не произвольное собрание глав, что нередко имеет место в коллективных работах с заявкой на сравнительно-исторический ракурс рассмотрения той или иной проблемы, но цельную композицию внутренне связанных текстов, выстроенных в системе координат "Западная Европа – Россия".

Книга "История и память" имеет не только сугубо академический смысл, она несет в себе и социально-востребованную информацию, актуальную в контексте размышлений по поводу современного мира, столь схожего и различного в его разных частях. Добавим, что и будущего.

³⁸ Там же, с. 172–173. Для этого также необходимо было, чтобы изжили себя и традиции народоправства германского общества, восходящие к родовому укладу, добавим мы.

³⁹ Там же, с. 37.